

ЛЕФ

ЖУРНАЛ
ЛЕВОГО ФРОНТА

ИСКУССТВ

№ 3 (7)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
В. В. МАЯКОВСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. Практика.	
В. В. Маяковский. Владимир Ильич Ленин	3
С. Кирсанов. Два стихотворения	24
П. Незнамов. Читинский скорый	27
А. Крученых. 1914—1924.	30
С. Третьяков. Москва—Пекин.	33
А. Веселый. Страна родная.	59
В. Шкловский. Иперет.	70
П. Н-мов. О прозротах	76
А. Лавиновский. Прозротаы.	—
II. Теория.	
К. Зелинский. Идеология и задачи советской архитектуры	77
Г. Поливанов. О преподавании терминологии	109
III. Книга.	
К. Зелинский. Книга, рынок и читатель	118
В. Шкловский. О Пильняке.	126
Отзывы о книгах	136
IV. Факты.	139

07 144

07 145

1

обратно на лоток, или же высылают вместо себя эквивалент в виде четвертака.

С деньгами здесь совсем беда. Бумажные китайские доллары ходят только в той провинции, в которой они выпущены. Серебряный даян, с портретом жирного Юаншикая, ходит везде. Вы покупаете коробок спичек и вам дают сдачи пять двугривенных, да еще меди. Не думайте, что это от щедрости.

Мелкая монета здесь ходит дешевле, чем крупная: за даян дают 11 гривенников мелким серебром, а медных копеек (по здешнему копперы или тунзуры) на даян приходится 210. Три года назад курс тунзуров был 140, и происшедшее за последнее время резкое падение этой по существу основной валюты, на которую живет вся китайская масса, отразилось на повышении цен, которые скакнули, как водится, несоизмеримо сильнее—не в 1½, раза, а в два и три.

Утро. Мистер Кент выходит в Тяньцзинь—этом городе чопорных и чванных европейских селтльментов (колоний), названных на одну длинную улицу, как китайские яблочки на лучинку, городе—тихий асфальтов, домов, похожих на дачные, и методического уклада жизни колониальных европейцев—этих отвратительнейших из европейцев—ханж самоуверенных; жадных, спесивых и жестоких. Еще проходит три часа и уже пошли по краям полотна кумирни с красными стенами, над которыми черная зелень, никакою расческе неподдающихся, сосен. Опять могилы—но уже важные, обнесенные оградами, частью разломанными. Огороды (китайцы великолепные огородники), где каждая гряда защищена с северо-запада камышевой ширмой.

Пагода, как каменная серая елка; по концам увешанная остролепестными колокольцами. Первая пекинская стена, в квадрат охватившая город, толстая такая, что на ней разбиты сады, и шесть повозок в ряд свободно едут по ней, вся в квадратных зубцах. За ней—синяя воронка Храма Неба ткнулась своим острием в пекинское небо, синее, как одежда китайцев. За храмом—стальной переплет радио-башен. Над городом видна труба, верхние этажи громадины дома Отель де Пекин. Вторая стена с гигантскими шестиэтажными угловыми казармами и сине-золотыми многоярусными сложно-строительными надворотными башнями.

Вокзал. Пекин.

СТРАНА РОДНАЯ

(Крыло романа)

Артем Веселый

Ночь по деревне. Ни огонька, ни голоса. Где-где в просянках вздохнет мороз, собака брякнет. Уткнувшись носом в закорякий сугроб черной дремой дремала дремучая деревня.

В темной избе на широкой лавке сидел, одевшись и в варежках, скованный бедами, ровно собака репьями, старик Демка Кольцов. По полу были раскиданы овчины и жаркие ребятишки—ползал по ним азартный чес. Молодуха хранела свирепю и жирно. Поглядывал в обметанное ледяной корою окошко, вздыхал. Уши на малахале и те дыбом стояли—до сна ли тут?

... Хлеб

Семена

Сын Митька...

Беспокоил храп снохи. Время какое, может, по миру пустят, а она дрыхнет, корова, и горюшка мало. Пхнул кулаком под мягкое, обвислое вымя:

— Чорт неладный встань-ка.

Заворошилась:

— Батюшка?... Пресвятая мати... Ох, сон-от на меня какой...

— Замолола дура надолба. Дайка-сь ключ от чулана.

Шагая через детишек, шлепая босами, тыкалась со слепу шариле по стенкам. Сползала с бела плеча рубаха, волосы пугали глаза:

— И куда е нечиста сила занесла...

— Одевайся живее, поедешь.

— Куды?

— На Кудыкину гору, закудыкала, чорт неладный¹⁾—хлестнул дверью, загремел сенным болтом. В закутке с хозяином поздоровался каурый меренок.

Сноха, ровно котят, таскала из чулана пятеричные мешки. Сам укладывал их в кованный возок, застилал соломой, рассказывал куда везти:

— Мануешь Дубовый ерик и счас тебе горелый оскорь, где Савку Микитина позапрошлый год убили. Направо будет дорога и налево дорога, так ты ни по одной не езд, порови в развилку попасть, забирай огорком, огорком...

¹⁾ Не спрашивай: „Куда“—спрашивай: „Далеко-ли“.

— Сакулиной гривой, аль как?

— Во, во. Гляди в дол не спускайся—жеребенка утопишь—мятика. Гривой упорешь сотельника два, тут тебе Лебяжье, Жукова пожня, тальник, гуга—само недоступно место. В ямину перва соломы погуше натруси, мешки ставь на попа, плотнее. Сверху снежком запуши. Пожню-то Жукова помнишь? Тут тебе львина, буерак, гуга...

— Помню, ладно.

— Место заприметь, холера. Лошадь не упусти. С богом. Вожжи-то держи, дурье гнездо.

Мерзло взвизгнули полозья, и меренок умчал молодайку с носом закутанную в тулуп.

Не раздеваясь, прилег и токо-токо забылся—в окно тихо брякнули. Вскочил. В переплете рамы болталась папаха Антона Марычева. Спросил все-таки Демка:

— Кто такой?

— Сват, выдь-ка, дело есть.

Вышел боковушкой.

— Ты, Антон?

— Я, сват.

— Ты што?

— Да ничего.

Потоптались.

— В избу айда, покурим.

— Некогда.

— Какая тебя дела крутят?

Антон крикнул:

— Мужики у Максима Пожарного собрались. Тебя зовут. Потапное собрание, вроде...

— Меня?

— Тебя.

— Мужики?

— А ты иди, сват, иди,—засуетился Антон,—дело мирское. Крепко сердются которы, иди. Я Афанасья на час скричу...—и пропал в проулок.

Максима Пожарного изба в набой. Накурили—руки не пробьешь. На припечке еле дышала привернутая лампа. Хозяйка зыбку качала, ребяенок, опутившись криком, затихал. Проклишше полушубки по лавкам, по полу в повалку. Поджидали кой кого. Пётра Часовня стоял на коленках и бойко разматывал языком:

— ...Два звонка. Я не будь дурень, мешок за ухо да в вагон. Нельзя—делегатский. В другую дверь—штабной. Дальше—куды прешь—вагон особого назначения. Три звонка. Вижу дело плохо. Не миновать на бухер сгнать. Ладно, думаю, смерть-смерть. На бухер верхом. Отколь не возьмись ачутка, поп меня за лапоть. Слазь. Упираюсь:

войди, товарищ, в положение, трое ден ва вокзале, обовши-вел весь, не кто-нибудь—ходок, дилигат по сельскому митарству. Четвертную сулил, то сё, звать ничево не хочет: слазь без литеры и вся недолга. Стащил меня, в загривок сунул. Оно не больно, а обидно. Ладно, говорю, машина твоя, земля моя. Езди и езди, а на землю не слазь—моя земля. А как слезешь тут тебе и башку отшибу на-разо. Свиснул он, поехал. А я утерся да и пошел пешочком два ста верст. Ладно, кричу, машина твоя...

Мужики слушали молча, утопив в думу глаза—глубокне и темные, как соминные омуты. На печке баушка Анна трепала лохмотки молитв, баюкала блажного внушка, его мокрые болячки обклеивала подорожником.

— Не стони, Ванюшка, не стони... Грех, Ванюшка, грех становать... Не тешь дьявола, касатик, не стони. За мук-мученские подарит тебе боженька ризу золотую, в пресветлый рай тебя посадит, не стони, голубь синий...

Пришли ждавные.

— Давай, начинай, вся правленья в сборе.

— Жевать тут неча.

— Верна, Кулина Пылагевна.

— Митроньку-то разбуди.

— Он хлеб-от один раз в год родится.

Демка многих мужиков впервой видел. Они оказались ходоками из волостей Старобесовской, Белоозерской, Буянской, Абдрахманской и еще откуда-то издалека. Слова укладывали скупно и бережно, одно к одному.

— Што в вашинских краях слышать?

— Одинака. Щупают почем зря.

— Дела мокрее воды.

— Под метелку?

— До зерна, скажи на милость, до зерна.

— Шутки-баламутки.

— Куда пойдешь, кому скажешь?

— Весна придет с чем взяться?

— До Левинова еще дойти... Не закон.

— Не допустют.

— Все они из одной прорвы, сукпны дети.

— Скажи на милость, семена и то...

— Надо кучей, стеной—подсказал Борис Иваныч. Проживал он в Хомутово, как голодающий. Очень мужиков жалел. Говорить при нем свои не боялись и нонче нарочно на совещанье пригласили. Одевался простецки и лицо имел городское, дряблое, как калач.

— Кучей?.. Правильно: всем плюнуть по разу—озеро будет.

- Надо подумать...
- Мма, плюнуть не счет.
- Главное—огарнизация. Выступим всем миром—нас ни одна пуля не возьмет.
- Как же?
- Поддержите што ль...
- Поддержим... Почин делать, вроде, боязно, а то подержим.
- Так и так подыхать—один конец.

Уехали делегаты под утро за-темно. И Демка Кольцов заложил каурую кобылу, ударился на хутора к хохлам Митьку разыскивать, в дезертирах кой.

Всю Сплошную и Пеструю строгаи морозы. Негреющее солнышко сердито прядало ушами, снулым щенком тыкалось в творожное брюхо дней. Ночи ложились легкие и глазастые. По степным немерянным просторам курились поземки. Дороги опоясывались передувинами. Мороз обруча на избы наклочивал, сосулил усы и бороды, из глаза слезу высекал. Под скрипучими обозами дымились полозовины.

Сломалась зима дружно.

Дынуло теплякью, дороги рассопливились, путь рывул...

Пошлыло. Закружились, загалдели шальные грачи. Занавоженные улицы умывались говорлючними льючами. Солнышко петухом на маковке дня.

Фыркая капелью ползла масляница мокроствая.

Всю неделю праздничное солнышко гудело ульем. Бурные половики дорог ухлестали разметавшуюся за речкой луговину. В степи выщелкнулись хребетки огорков. Обтаили головы старых курганов. Лед полопался на речке, берега обметало зажоринами.

Деревня варилась в самогоне. Глохтили ковшами, ведрами. В широком разгуле, как опрелые рукавицы, выворачивались нечесанные, мужичьи сердца. Спяваю плакали не в горсть, в пригоршню. Катались по нижней улице—на верхней снег уже сгорел—токо шишки выли. В обнимку по двое, по трое, кучками бродили деревней, макали бороды в окошки:

— Хозяушки дома ли?

Скрипуче, спллым надрывом, с горькими перехватами орали свои горькие мужичьи песни. Пугливую, деревенскую ночь хлестали нескладные, пьяные крики и брех глупых деревенских собак.

Подкатило прощенное воскресенье—останний денек, когда все, в ком душа жива, пьют до зеленых сопель, чтоб на на весь пост не выдохлось. Плясовым захлебом колоколили пестрые колокола, расталкивали разнаряженных кобедниш-

них баб. В выскобленных, жарко потопленных избах, за дубовыми столами целыми семьями. Бюжкие аржаные утробы мостили печевом, жаревом, распаривали чаем с топленным молоком. Старики и большаки на раскаленные печки ва полаты потужить, подремать, всхрапнуть. Молодотня—вон.

Весело на улице, гоже на праздничной.

Солнышко обвисало вихрастым подсолнечником. На пригреве, на лёклой земле собаки валялись, ровно дохлые—разморились. Куры рылись в назьме, на обталиках. Дрались петушишки—ершистые ярунки. Лобасный собаченок, пуча озорные гляделки, кубарем под гусака кривошеева: тот крылом по луже да в подворотню:

— Га га га.

Мишистые, вытертые старики выползали на необсохшие заваялки. Укутаны по-зимнему, с подогами: охают, шамкают, нахохлились, греются; дружной весне дивуются, глядят не видя, слушают не слыша. Шапки на них положи на гнезда галочьи.

Рябятишки в маслянце, как щепки в весенней реке. Руныстые, зевластые, прркопченые зимней, избяной вонью, с чумазыми изспня-землистыми рожницами они вливали в уличную суету кипящий смех, галчиный гвалдеж:

— Рябят'нки, рябят'нки, тяните голосенки, кто не дотянет, того е е е—э э э э э э э э э...аа.

Дух занялся, глотку зальнуло. Крики:

— Есть. Есть...

На белоголового парнишку шобонястого, будго птицами расклеванного, набрасываются всей оравой: кусают.

Зудкие, шершавые лошаденки в погремках и праздничной наборной сбруе по улице шеметом.

— Аг га-а... Ээ.

— Качай, валяй, покачивай ка-ча-а-а-ай!

— Наддай, Кузя.

Хлесть по Булавому:

— Ффьфьф... Тыгарга-матыгарга за задоргу ного-о-о-оф...

Шапку Кузька потерял, только башка треплется кудрявая, как корзинка плетеная:

— Рви вари...

— Ххах...

У прогона, через жиденьюку загородку палисадинка в рыло Огурцовской избе, в окошко запрягом: ррах, зньнь.

— Го.

— По-нашему...

— В гости завернул наш Кузя.

Обедали братья Огурцовы. Побросали ложки. За ворота. Вчетвером. С полениями, с тяпкой—туча. А Кузька Замотай прямоком через сугробы, через навозные кучи, под яр, за мельницу:

— Го-го-го...

Только его и видали. На кугора залпился—к полещику. Не кобыла под ним—змея. Всю зиму на хворосте постилась, а на масляну раздсбрился хозяин—каждень Буланка ишеницу хропает.

Девки, бабы, парни, мужики, ребята. Хрусткий визг. Хрип утробный. В ливне смеха гульбище.

Ор.

Буй.

Гик.

Деревня на ноготках. Кудахчут гармони.

— Молодой пока не жалей бока.

— Ха-ха.

Сыпь, сыпь чище,
Городские нищи...

— Пррр держи.

Шапка сшиблена—трут снегу в волосы: молодого солят. Аксютка Камаганиха в шибле из розвальней через на-леску—подол на голову, сахарницей в сугроб.

— Ха-ха.

— Дрюпнулась колода.

— Жигулевский темный лес.

— Ромк Ромка.

— Е ээ.

Рванул жеребец: прррр... Улетел Ромка. За ним всем тулаем в Киватский конец ударился. Погамузнулись у церкви, да кишкой назад.

Хари, рожи, лица молодые, мордашки пылающие, нахлестанные ветром, огневые, смешливые, безшабашные, хохочущие, гульные, разливом. Залеплянные комьями навоза и снега бороды, шапки на затылках. Ветер в чупрынах.

Челеном по улице бабы платки, полушалки небесного цвету, огненны, всяки. Поддевки, полшубки, поддегайчики. Тройки, пары, запряжки, возки, розвальни. Нарядные мужики на распашку. Цветные рубашки в глазах мечутся. Напоенные до-пьяна девки раскальваются припевками. А гармонь торопливо шьет;

Ты на на, ты на на, ты на на...

За день солнышко сосульки обсосало. К вечеру захрулило. Подсохли лужи. Загубели поздраватые сугробы. По холодку от капли титьки намерзали. День уполз, волоча пылающий хвост заката. Выкатились звезды по кулаку.

И весельба уползала в избы.

В печке пожар.

От хозяйки блинный дух. Блины допекает лебедка. Рожка—солнышко красное в масло макнутое.

Угар

Чад

Треск

Шип

Стук.

В просторной чистой половине гостебнице, половодье содом, ярманка, гвалт несусветный. Под потолком в шкалике лектрический огонь.

— Пей, сватушка, пей.

— Ван Ванч...

— Ы ык... Я е...

— Опять и обмолот—зарез.

— Дарья тук квашня...

— Ы ык. То-то.

— Врут...

— Ай в них душа, а в нас ветер?

— Отрыгнется мужичий хлеб.

— Ах, куманек...—Чмок. Ван Ванч горько сморщился, махнул рукавом новой гремучей рубахи.

— С мужика дери три шкуры—обрастет.

— Аах.

— Терпежу нашего нет.

— Кишав, не корячся.

— Передохнут кой, на всех и земля не родит...

— Тятка, думать забудь...

— Зна... Хо-хо... Баяно-говорено...

— Поштенье тебе, как стоптанному лаптю.

— Догнал я фицера, да сашкой по котелку хряск...

— О, господи...

— Ешь, брюхо лопнет-рубашка останется.

— Хрисан-то те с родни?

— Как жа, родня: на одном солнышке онучки сушили.

На столе блинов колпа. Щербы блюдо с лоханку. Рыбы куча— без порток не перепрыгнешь. Пирожки по лаптю.

Курники по решету. Ватрушки по колесу. Пшенички-лапшевники в масле купаются. Сметаной и медом залейся.

Пар в потолок. А самогону самые пустяки—высосали.

— Сухо...

— Не пеки мою кровь.

— Га хо хо...

— Хзяин, сухо.

— Дом у неё, как вокзал—во все стороны окошки.

— Так и так гоорю...—Петр Часовня короткими пальцами бережно разглаживает по столу бумажку, ровно

молниями, исхлыстанную чьими-то резолюциями.—Машина, грю, твоя, земля моя...

- Растуды иху, суды иху...
- Сынок, ни в жись.
- Брали мы Кеев город... Эх.
- Нуу?
- Во, бат...

Над столом рожи жующие, плюющие, распаренные, лоснящиеся, осовелые. Буркалами ворочают туда, сюда. Растрепанные, спутанные волосы, рыбы кости, соленая капуста, лапша в бородах. Разговоров на воз не покладешь, на паре не увезешь.

- Сват, кровя одне.
- На дочь зятем Топорка приму.
- В улоск ряск.
- Месь думат...
- Сроднички, ешть—пейте...
- Дай бог не грех...
- Корова?.. От печки до стеньки—три сажня.
- В захлест арканют...
- Давай менять—зверь не лошадь... Воз в раскат не пустит, ни-ни... По гребешку, как щука, промызнет.

В глотке: урк-урк-урк.

Бах-чебурах в ворота. Взорвался, посыпался собачий лай.

— Отец выдь на час, Демьян, мотри.

На дворе холодно, сине, звездно—хоть в орел играй.

Луна блин поджаристый.

- Тестюшко...
- Пррр...
- мать.
- Не хочу ехать в ворота, разбирай плетень.
- Х х х х...
- В бирючьих когтях...
- Чмок, чмок, чмок.
- Брось, Леска распрягет, йда...
- Канек-от...
- Йда, чорт не нашей волости.

Кряк в два обвата:

— Маслянца што ты не семь недель...

В избе густо плещется тяжелый гам, вихрится песня.

Ээх, доля, доля моя,
Ты водою заплыла... Ээх...

Дребезг бабьего визга кроут, нахлобучивают баса.

- А ха-ха...
- Плохо петь—песню гадить.
- Сухо.
- Чем дышим, вашу в душу мать...

— Мерси покорно.

— Раздевайсь, тестюшка.

Рукавицы на тестюшке по собаке. Шапка с челяк. Тулуп из девяти овчин. Умасляная башка космата, ровно его собаки рвали. Румяный, нарядный, будто бывалопный прятник копейный. В прищуренном глазу пляшет душа пьяная, русская, мякая да масляная—хоть блин в нее макай. Довольнешенек. Дрюнулся на лавку—лавка охнула.

Разит самогонью, овчинами, духами. Поминутно хлопает дверь—приходят, уходят. Ребятишки на полатах свои, у порога чужие. Щебуются они больше всех:

Визг

Писк

Хих

Гом.

Гудят округлые, пьяные голоса. Обмяклые выкрики, приговорки, рык хохот, матерщинка—матушка, дрель пляса.

- Гуляй, Матвей, не жалей лаптей.
- Ах хм, мать пресвятая богородица.
- Нашел—молчи, потерял—молчи.
- Перетерпим, передышим.
- Ешь, блин не клин, брюха не расколлет.
- Полведерка у Митрофанихи... Сергунька, слетай.
- Все наши важитки...

Сергунька, видать, с перепоя: рожа красная, как венками нахлыстаная. Навалился грудью на стол, огурцы хряпает—за ушами пищит. Широкий парень—топором тесав. В могучую багровую шею вмок крахмальный воротничек.

В когтях рыжей лапы зажаты золотые часы—в них Сергунька кжду минуту заглядывает: который час?

- Сергунька.
- О-ок.
- Полведерка к Митрофанихе...
- Даай—от нетерпезжки сучит пальцами—Даай...
- Полведерка...

Звяк битоном, шорк в дверь, и нет Сергуньки.

— Свое-то жалко, убей няддам.

— Учут нас дураков.

Косы, космы, платки, волосники, полушалки, юбки пузырями пузырями. Рубашки вышитые, красные, сиреневые, в полоску, в искорку, с разводами. А гармонь рвет:

Ты на на, ты на на, ты на на

— Алена, аряряхни.

Алена гулящая девка. Красава. Румянец через щеку. Гладкая—не ущипнешь. Коса до пяток, густая, как лоша-

длинный хвост. Из красавиц красавица: есть на что поглядеть, есть за что и подержаться. Платьеце папшиновое оправила, рассыпала каблучки.

Ох лапти мое,
Витые оборки,
Хочу дома я почую,
Хочу у Ягорки...

В пятках пружины. Всю ее сподыма бьет. Выпляс особенный. Ну: ядро, буярава.

Прошла раз и Феадуша хозяйска дочь. Рожа рябая, ровно шилом исковыряна. Рот до ушей—теленка проглотнет. Уши торчком. Спина корытом. Шея тоненька, хоть перерви. Верблюд—не девка. Прошла раз, да и отстала: куды!

В пару Алене выходит дезертир Афонька Недоенный. Форсисто одергивает допнувший по швам фрак, выменянный на картошку. Из под фрака вышитая рубашка огневой запал... Что из силы огрел себя, заржал и в пляс.

Загудула старая, раскольничья изба. Застонали матицы. Под гляди-гляди провалится. Из под лакировок дым. Мальчишки в визге.

— Гоп гоп
— Рвай, давай

Афонька зубы лошадиные оскалил: накатило на парня: выиграла окаянна сила:

— Хы, яблочко—медовой налив...
Глянула девка, ровно варом плеснула:
— Не замай.

А ну ходи потолок,
Дрыгай потолочьяя,
Ты, Антапта, не форси,
Пока не волочена...

— Дуй, Фонька...
— Ух-ух...
— Распахнись.

С улицы по окошку: диньнь.. дзееньнь.

Собаки кинулись.

— Бей. Мозжи.
— Бабоньки...

Баба шарах
— Девоньки...

Дзееньнь.

И еще по раме: хррр.

— Матушки...
— За нашу добродетель.
— Де топор...
— Сватушка...

Дверь расхлебывили. Кому надо, вывалились в сени, на двор. Насколько похватали, чего под руку попало, и на ульцу.

На заваленок упал на колени комбедчик Танек-Пронек и неверными вихлявыми ударами крестит колом рамы.

Гундят:

— Пряники-то съела, а почевать-то не пришла... Пьяночки гуляночки—отродье ваше мать мать...

— Ах так?...

— Дно вышибу.

— Бей.

— Глуши, сватушка.

Хрясть.

Хлобысть.

Хмысть.

Буц.

Бяк.

Ччак.

Хмок.

Пинками Танька-Пронька катили от порядку до самой дороги. Улицей как нахлыстаный бежал Карпушка Хохленков и вопил:

— Гришка... Микишка... Наших бьют...

Ночь застонала набатом и волость понесла, как развожанная лошадь.

Кругом—через леса и степи—по всей хрестьянской земле мужик на дыбы взвился:

Хле е э э э э эб...

Разверстка... Терпежу нашего нет...

Кругом—через леса и степи—бурно митинговали избы и выносили приговоры:

Хлеб придержать... Разверстка неправильна.

При дер жа а а а ать...

Хороводом кружил кровавый набат.

Из села в село, от дыма к дыму скакали ходоки. Церковные площади ломались от народа. Бородатые ходоки стаскивали шапки и кланялись миру на все четыре стороны. На корню качались и трещали голоса.

В чистый понедельник Хомутово прикрыла шайка дезертиров. За матку у них ходил Митька Кольцов.